

Иван Кузьмич Сердюк

Мой дедушка, Сердюк Иван Кузьмич, родился в крестьянской семье 09.05.1916 в с. Грабовка Черниговской губернии Олишевской волости. В армию его призвали после окончания Киевского индустриального института в ноябре 1940 года в подмосковный Нарофоминск (14-я бронетанковая дивизия, 14-й гаубично-артиллерийский полк (14 ГАП).

Служил Иван Кузьмич в орудийном расчете 122 мм пушки-гаубицы. Но во время довоенной службы ни разу не стрелял: командиры говорили, что один снаряд стоит столько же, как пара сапог и выбрасывать такое богатство на ветер нет смысла.

Фото 1939 года

Участвовал в параде 1 мая 1941 года на Красной площади, видел Правительство и Сталина. После этого строил летние лагеря в Кубанке.

22 июня 1941 года находился в Альбино на артполигоне.

Далее – рассказ от первого лица: «23 июня, получив боеприпасы, подразделение из Нарофоминска проследовало в Борисов (Белоруссия), стояла там неделю, затем была переброшена в Витебск.

Снимок сделан за 7 дней до начала войны. Иван Сердюк - слева

Развернули орудие в лесу, били по вражеской пехоте дальнобойными гранатами. Начался минометный обстрел и под огнем батареи скомандовали сниматься. Ночью батарея стреляла, а на следующий день сильно бомбили пикирующие бомбардировщики. Потеряли два трактора-тягача из пяти. Орудия уже не было...

Здесь никто не командовал, делали, что хотели. На оставшемся тракторе впятером решили ехать на Смоленск, а потом на Москву. Перебрались через реку Западную Двину своим ходом, так как на переправе на мосту было столпотворение: уходили от наступающих немцев. Доехали до Смоленска, но регулировщик в город не пустил, поскольку там уже были немцы. Поехали проселочными дорогами, выбрались на шоссе Минск-Москва, где шел поток машин и беженцев. Это скопление техники немцы бомбили раз за разом. Неприятель высадил десант под Ярцево, обстреливал дорогу и создал «пробку», которую бомбили и обстреливали минометы. Разбомбили и наш трактор, вещмешок у меня на спине был прострелен четырьмя пулями на вылет.

Дальше пошли пешком, заночевали в селе, а утром хозяйка сказала: немцы в селе, мы сразу в лес и двинулись вдоль дороги, по которой непрерывно шла техника, добрались до Ельни. Мы были в военной форме и с оружием, в лесу бродили такие же солдаты, как и мы, шли к своим, а куда идти никто не знает. На третий день вышли к райцентру Починок, а в нем уже были немцы. Переоделись в гражданское, ночевали во ржи, а утром нас подняли автоматчики-красноармейцы. Привели в часть. У нас документов нет. Их отобрали при отправке на фронт, а выдали пластмассовые патрончики, где значилась фамилия и часть (назывались они «право на смерть»). Обозвали нас шпионами, поставили расстреливать, заставили раздеться до белья, да

появился старший лейтенант, остановил расстрел, узнал, что были в боях, а потом наступающие немцы нас гнали...

После нас направили в Рославль (70 км.) на формировочный пункт. Подошли, а там бомбят город, военкомат сгорел. Писарь дал мне список на 12 человек и отправил в Хотимск (100 км.). Шли 3 дня, оттуда из военкомата - на формировку в урочище «Душиловка» (40 км.). Там в лесу ждали собравшиеся солдаты «покупателей», которые брали тех, кто был в форме и с оружием. Каждый день расстреливали трибуналы, таких как мы, вышедших из окружения.

Старший лейтенант взял нас в артиллерию в один расчет, меня 1-ым номером, наводчиком. Предстояло нам воевать 76 мм пушками 1902 года на деревянных колесах. Нас придали пехотному полку и сразу с утра – в бой. Стреляли хорошо, с результатами. В последний день (9-ого августа) расположились на краю леса, стреляли по целям на 4 км. Вышел немецкий танк и нас расстрелял. Оставшиеся орудия снялись и поехали к селу Пожар.

Окопались, пошли на нас 3 немецких танка, после моего выстрела из одного танка пыхнул дым: попал! Танки пошли вереницей, наше орудие расстреляли в упор. Подошли немцы, один сказал по-польски: «Вылезайте или кинем гранату в окоп». У леса собрали несколько сот бойцов, всех положили на землю и сказали не вставать: «сразу будем стрелять». На этом мое участие в войне закончилось. Своими действиями я нанес врагу потери, потому совесть моя чиста, а в остальном вина не моя.

В плену на оккупированной территории.

В лагерях военнопленных я не был больше чем по 2 дня, убегал, шел в сторону фронта, снова ловили, снова убегал и так шесть раз. Напоровшись на немцев, мы, двигавшиеся группой, говорили, что гражданские, но немцы снимали кепку, а голова у нас остриженная, и сразу за проволоку в лагерь. Встречали в селах всяких людей: где накормят, расспросят, поговорят по-человечески, а где и есть не дадут, и в хату не пустят, а могли и немцам выдать.

Фронт уходил от нас все дальше, попытки вернуться к своим – бесполезны. Решил идти домой. Добрался до Чернигова, а дальше до с. Грабовка, откуда был родом. Отец меня при встрече не узнал. В июне 1942 года из села 20

человек забрали в Германию. Был приставлен конвой, но можно было бежать, а бежать было некуда.

В плену в Германии.

Везли нас дней пять до пересыльного лагеря в западной Германии, взяли работать на спичечную фабрику у Вердена. На складе в подвале фабрики лежал крахмал, из которого делали клей для коробок. Мы наловчились выносить его и из него печь коржи, так как жили впроголодь.

Немец-кочегар поймал и бил как зверь. Я решил сделать ему сюрприз: в обеденный перерыв отвинтил штуцер от смазчика паровой машины и всунул немного пакли. Из-за этого фабрика простаивала целый день.

30 марта 1943 года нас с напарником по доносу забрали в тюрьму, а затем в штрафной лагерь Бремен-Фарга. 4 мая 1943 года, когда вывели на работу из лагеря, бежал, спрятавшись под вагон, а затем в лес, за которым были дома. Возле них услышал польскую речь, встал, попросил помощи, какой-нибудь обуви, так как был босой. Поляк выдал меня немцам и получил за это 100 марок.

Немцы били, увезли обратно в лагерь, в карцер. Из карцера вывели на расстрел. Стреляли в мою сторону и смеялись. Это они так шутили... В карцере 9 мая 1943 года мне исполнилось 27 лет. Я буквально умирал от голода.

Через 10 дней из карцера вернули в лагерь, а затем отправили в Гамбург в концлагерь Ноегамме 66. Рассортировали по национальностям и дали № 21655 – на 2 года.

18 апреля 1945 года началась эвакуация концлагеря, сожгли «смертный» блок, чтобы скрыть следы. Всех погрузили в вагоны, привезли в порт Любек на Балтийском море и погрузили в трюм большого грузового корабля «Хайлбек». Сидели в нем с 20 апреля по 3 мая 1945 года. 30 апреля судно отбуксировали на рейд - 65 км. от берега. 3 мая началась бомбежка, корабль получил пробоину, хлынула вода. Вместе с товарищами, став цепочкой, выбрался на палубу, вынул из-под брезента припрятанную доску и прыгнул в воду. Корабль затонул. Подошедший катер собрал тех, кто выплыл, доставил на берег, под немецкий конвой. Налетели самолеты английские и конвой разбежался. Выживших - 512 человек - привезли в г. Ноештадт, в английскую зону. В апреле 1945 года в Ноегамме 66 прибывала уже 86 тысяча.

Желающих вернуться в Россию погрузили в машины и отправили за демаркационную линию, в советскую зону возле Ростка.

В Советской зоне Германии.

Сначала всех рассортировали: кто военный, кто гражданский. Поселили в бараки. Тех, кто был в концлагере, комиссия не опрашивала. Меня определили в запасной артиллерийский полк армейского военного хозяйства 65 Армии бригадиром по ремонту машин. В декабре 1945 года передислоцировались в Силезию, г. Глогау. Готовил сельхозтехнику к весне в качестве участкового механика. В мае 1946 года вышел приказ о демобилизации, под которую я подходил по возрасту. На этом кончилась военная жизнь.

После войны.

В мае 1946 года после демобилизации, повидав родных, вернулся в Чернигов. Начал устраиваться на работу. Узнав, что я инженер-механик, сразу предлагали должности, но ознакомившись с анкетой и биографией, отказывались брать на работу. Пошел во вторую, третью, ..., пятую организацию – везде отказывают. Если сразу говорил в отделе кадров, что был в плену, смотрели с презрением, говорили: «Такой молодой и такая грязная биография, куда ты лезешь?».

Находясь в английской зоне оккупации, где была возможность не возвращаться домой, я думал: останусь здесь, в чужой стране, и никогда больше не видать родных и своей Родины. Понимал, что достаток там больше, чем у меня на Родине, но не остался. Но что на Родине меня будут считать презренным человеком – не ожидал. В то время считалось, кто был в эвакуации – это чуть не герой Советского союза, а кто был в плену – это не человек. Ездил по всей стране в поисках работы, добрался до Дальнего Востока, где работал экскаваторщиком.

На пенсии в г. Чернигове занялся разведением пчел. Это занятие было по душе. Старался поправить свое здоровье (с войны рабочее давление было 190/115), но не лекарственными препаратами, а зарядкой, обливанием холодной водой, прогулками 3-4 часа ежедневно...»

Дедушка умер 5 декабря 1989 года после инсульта. Похоронен в родной Грабовке...

С уважением, Диана Козырева,

начальник финансового отдела ООО «Газпром добыча Иркутск»

